

АЛЕКСАНДРА КИРИЛЛОВА

НЕВИДИМАЯ
ЖИЗНЬ

Александра Юрьевна Кириллова

Невидимая жизнь

Публикуется с любезного разрешения Правообладателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10214096

Невидимая жизнь: ООО "Остеон-Пресс"; Ногинск; 2015

ISBN 978-5-85689-054-8

Аннотация

Идеальная семейная жизнь супругов может скрывать под своим фасадом вовсе не то, что видят окружающие и даже собственные дети. Иногда под всем этим блеском скрываются такие тайны, которые способны, буквально, взорвать внутренний мир.

Уже взрослые дочери, после похорон отца, узнают о том, что их матери, в своё время, пришлось сделать невыносимо болезненный выбор между любовью и семейным благополучием. Из сохранившейся переписки они постепенно, шаг за шагом, узнают свою мать заново, а через неё, многое переоценивают и в собственной жизни. Но к чему всё это приведёт? И не станет ли ещё больше боли в сердцах от вскрывшегося нарыва?

Александра Кириллова

Невидимая жизнь

Все права на электронную версию книги и её распространение принадлежат Интернет-издательству Сканбук и автору – Александре Кирилловой. Никто не имеет право каким-либо образом распространять или копировать этот файл или его содержимое без разрешения правообладателя и автора.

Ты спросил, можно ли измерить глубину чувств. Я думаю, можно.

Каждый из нас способен анализировать себя. Но не всегда мы готовы принять выводы этого анализа.

Я уже не сопротивляюсь. Я поняла. Я знаю.

И все эти знаки, сны и совпадения уже не нужны. И без них все ясно.

Они свидетельства или предупреждения – хотя какая разница. Быть может, это от нас отлетают искры в пространство, настолько ярко мы горим.

Со мной такого никогда не было. И было ли такое с кем-либо, сомневаюсь. Я о таком даже в книгах не читала.

Ты говоришь, это дар.

Безусловно.

Но надо понимать, что любой дар – это бремя.

И самый главный вопрос, коль уж в этом всем есть какое-то высшее участие, то зачем нам все это дано? Как

этим распорядиться?

Я не верю, что все это заслуживает только тихого тления и умирания внутри нас.

Мы – носители уникального сокровища. Быть может, оно само со временем откроет нам путь всех свершений. Мы пока, как древние люди, нашедшие огонь, смотрим на него с восхищением и страхом. Этот огонь – наша любовь.

Но как же больно она обжигает.

Иногда мне кажется, что эта боль способна остановить мое сердце, настолько она ощутима.

У меня бывают приступы паники и отчаяния, пусть и минутные, но такие страшные, что мне кажется, я могу убить себя. И это только от одного желания обнять тебя и невозможности это сделать.

Но я справлюсь. Мой разум вытащит меня, я уверена.

Вся эта игра и борьба с самим собой – с достойным противником, она, безусловно, увлекательна, но и безнадежно жестока, потому что в этой игре нет правил.

Будущее. Признаюсь честно, я смотрю туда с опаской. Я ничего не предрекаю и не загадываю.

Есть ли у нас с тобой будущее? Возможно.

Еще месяц назад я бы однозначно ответила нет.

Твои желания я не могу направлять и не вправе брать с тебя обязательств. Я же сама не даю никаких обещаний.

Но мое желание видеть тебя счастливым неизменно.

Я хочу, чтоб у тебя была семья и дети, потому что ты как никто другой заслуживаешь этого. И если я не

могу дать тебе это, значит, ты должен найти это с кем-то другим.

Какое же тогда может быть наше будущее? Дружба, любовь, семья? Забвение?

Все возможно.

Эта жизнь заслуживает того, чтобы ее прожить.

А.

* * *

"Это случилось в полдень. Так сказал врач по телефону. Вчера в полдень. А я в это время, кажется, чем-то была занята, смотрела с детьми кино, и мы смеялись. А ведь я должна была что-то почувствовать, понять, что в это мгновение происходит ужасное... В это мгновение умирал мой отец".

Мысли текли, текли, как струйка воды из плохо закрытого крана, и Маше казалось, что они могут проделать дырку в ее голове.

Сегодня было намного тяжелее, чем вчера. Вчера был шок, непонимание и растерянность. Потом звонки, звонки. Кто звонил? Может, это она кому-то звонила. А, да. Действительно звонила, своей сестре, сообщить новость. Они говорили долго, то есть они не говорили, а долго молчали, не решаясь определить, кто из них будет звонить маме.

Мама не плакала, сестра тоже. Плакала Маша, тихо и долго, плакала за всех, как морозящий дождь. А сегодня плакать

ей не могло, но было очень тяжело. Утром она, едва открыв глаза, еще не проснувшись окончательно, почувствовала эту страшную пустоту. "Что-то случилось? Что? Что?" – Мозг никак не мог прийти в себя после болезненного глубокого сна. Но душа не спала, и она продолжала ныть, как воспаленная рана. – Что-то ведь случилось... Папа..."

Сегодня весь дом, как Атлантида, погрузился под воду, и дождь за окном только дополнял эту трагическую картину. Краски поблекли, звуки стали тише. Откуда-то звучала музыка, но ее голос был глухим и походил на слуховую галлюцинацию. Это работал телевизор в детской.

Дети тоже стали тихими и кроткими. Они боялись поднять глаза на мать, словно чувствовали себя виноватыми. Обычно такая суетливая и хаотично перемещающаяся по квартире, она, как тяжело больной человек, передвигалась сегодня медленно и страшными невидящими, пугавшими ребятишек глазами, словно молящаяся, смотрела куда-то в потолок. Она, в таком состоянии, для них была самым тяжелым испытанием. О смерти деда, они, похоже, уже забыли, хотя вчера тоже немного плакали.

Машины близнецы с дедом пусть и не много, но очень хорошо общались, любили его и с удовольствием ездили в гости к бабушке и дедушке. О том, что дедушка долго болел, им не говорили. Да и не могли они в полной мере осознать этих проблем и забот в свои шесть лет. Но когда им сказали, что дедушка умер, умер совсем, и его больше нет и ни-

когда не будет, малыши страшно испугались, возмутились, разозлились и, в конце концов, увидев слезы матери, расплакались.

Когда вечером Маша укладывала детей спать, точнее просто сидела на углу кровати и беззвучно покачивалась вперед и назад, ожидая, пока дети уснут, она вспоминала о том, чему успел научить ее отец своих внуков, что успел он передать новому поколению, продолжателям его рода. Продолжатели рода возились, как жуки, по своим кроватям, перекапывая подушки и одеяла, и никак не могли уснуть без традиционной сказки из большой старой книги с очень красивыми, немного выцветшими картинками.

А Маша сидела и вспоминала, как она с детьми и с отцом ходила в цирк, и как дед ворчал и не хотел идти, но потом восторженно хлопал в ладоши, особенно акробатам и фокуснику. Было тепло и радостно, много ярких красок вокруг, громко звучала музыка, потом суета, улыбки, сувениры и общее состояние эйфории.

Припомнилось Маше и то, как она тушила пожар в родительской квартире, результат неудачного отцовского эксперимента, и прятала как соучастник его следы от матери. Тогда отец показывал внукам, как поднимается над огнем бумажная спираль. Спираль, конечно же, загорелась, обожгла державшую ее руку и, отброшенная неловким движением, подожгла полотенце. Было всем немного страшно, но очень весело. А когда пришла бабушка, у всех экспериментаторов

возбужденно горели глаза, дед показывал внукам какие-то шпионские знаки и хихикал.

Сегодня воспоминания стали очень болезненными. Менялась палитра боли, накатывали отчаяние и злость. Найденный вчера альбом со старыми фотографиями был сегодня закинут на верхнюю полку книжного шкафа, он точно обжигал руки, так хотелось избавиться от него поскорее.

Муж вернулся с работы к обеду, он понимал, его помощь необходима. Маша видела, что он старается, но его участие было ей безразлично, потому что легче не становилось.

Муж варил на кухне детям сосиски, сегодня ни для кого и никаких ограничений по меню не было. Маша же, как сухой лист на глади воды, безучастно болталась по квартире, в конце концов ее прибило к окну в гостиной. Она отодвинула рукой тюль и прислонилась виском к холодной стене. Она смотрела в пустоту, на стекло, а не через него, на серые разводы, и глаза ее моргали медленно-медленно, точно она вот-вот закроет их под тяжестью глубокого сна. Тюль с веселыми розовыми ромашками спадал, как фата, с ее плеча. Ромашки не могли принять новое настроение дома и оставались все такими же радостными и яркими. На столе со вчерашнего дня осталась несобранной детская игра, грязные чашки и еще какие-то вещи, брошенные, словно при эвакуации, ставшие невидимыми для хозяйки, потерявшие смысл.

Маша стояла у окна, бездвижная, бесслезная и как будто бездыханная. Она думала о смерти.

"Как это происходит? Как люди умирают? Наверное, это всегда больно, даже если ты в коме или спишь. Ему, наверное, тоже было больно. А потом – пустота. Ничего нет, ни мыслей, ни снов. Как это страшно, Господи, как это страшно... Бедный, бедный папочка, еще совсем не старик. Что такое шестьдесят лет? В нем всегда было столько жизни! Куда теперь это все ушло?

А сколько потеряно всего того, что не свершилось!

Он не увидит, как вырастут его внуки, а Аниных детей он так и не дождался. Он не достроил свою любимую дачу, деревья, посаженные им в саду, в этом году цвели первый раз, но он уже не мог ухаживать за ними, потому что заболел.

Ничего уже нельзя изменить, нет никакого, даже самого трудного пути к спасению. Это невозможно понять. Я не хочу это понять".

Маша сжала голову руками, точно хотела остановить поток своих мыслей, они больно резали изнутри, как маленькие бритвы, совсем бесцельно, просто вонзались без остановки снова и снова. Ответов все равно не было.

Раздался телефонный звонок. "Кто-то с соболезнаваниями", – подумала Маша, не отводя взгляда от мутного стекла. Ее ресницы опять медленно опустились и так же медленно поднялись. Снять трубку не было никаких сил.

Звонок затих. Через какое-то мгновение раздался голос мужа:

– Маша, подойди к телефону, это Аня!

Звонила сестра. Не сразу и очень медленно Маша вышла в коридор и сняла трубку.

В трубке раздался неприятно бодрый голос сестры, она говорила решительно и по-деловому. Аня стала рассказывать о предстоящих похоронах, о том, что уже почти обо всем договорилась. Голос сестры в трубке то затихал, то становился громче, словно накатывал волной. Этот шум прибора Маше давался с трудом. Ей казалось, что разговор длится невозможно долго.

Аня хотела завтра вместе с Машей поехать на кладбище посмотреть место. Но Маша отказалась, отказалась без каких-либо отговорок или условий, а просто сказала: "Не хочу". Эта идея ехать на кладбище, как в новостройку, осматривать предмет покупки, показалось ей ужасной.

Будут похороны, и на них нельзя не поехать, но как пережить этот страшный день, выдержать, не разбиться на мелкие осколки, Маша пока не знала. Ехать же на кладбище еще и до похорон показалось Маше издевательством. "Возможно, это малодушие", – мелькнула у нее мысль. – Но я не могу".

Сестра не стала уговаривать, видимо, Машин ответ был для нее ожидаем, и тем же деловым тоном она продолжила рассказывать о предстоящих поминках, о закусках и напитках, о количестве гостей. Она так и сказал "гостей", что очень ранило Машу. "Она говорит словно о дне рождения. Какая гадость! Неужели она не чувствует того, что чувствую

я? Или, может, она просто сильнее меня, так хорошо держит себя в руках? А я? Я ничего не могу. Господи, мне так плохо, так плохо..."

– Алло! Что же ты молчишь?

Анин голос из трубки требовал какого-то ответа.

– Прости, я прослушала вопрос.

– Я спросила, поедешь ли ты сегодня к маме? – В Анином голосе уже чувствовалось раздражение, беспамятное состояние сестры, ее инертность начинали злить Аню. Маша это чувствовала и была не против ответить участием со своей стороны, но не знала как.

– Наверное, поеду... Да, поеду... Конечно, – пробормотала она.

– Хорошо. Я заеду за тобой через час.

* * *

Почти всю дорогу до дома матери сестры молчали. Аня понимала, что давить сейчас на Машу не имеет смысла, и ждала, пока та сама начнет задавать вопросы, любые, пусть даже о погоде, но Маша не могла и не хотела говорить. Более того, она боялась Аниных тем о похоронах, ужасных рассказов о катафалках и поминальных блюдах, о цвете обивки гроба и надписях на лентах в венках.

Город за окнами автомобиля менял слайды с улицами и площадями, но все они были одного серого цвета. Маша

смотрела на лужи и мокрые тротуары, на многочисленных прохожих, и ей казалось таким возмутительным, что все они живы и идут по своим делам.

В отражении бокового зеркала она видела лицо немолодой уставшей женщины с опухшими глазами, это лицо ей не нравилось. Оно не нравилось ей не только сейчас, а уже давно. В нем все стало не так – и овал, и контур глаз, и появившиеся морщины. "Не надо было стричься, – почему-то сейчас подумала она. – Волосы теперь уже так быстро не растут".

Она перевела взгляд на свои руки, лежавшие на коленях, и стала разглядывать рисунок синих вен, выступающих через бледную кожу, этот рисунок напоминал дерево. Она провела пальцами, и ветви дерева пришли в движение, заколыхались, словно на ветру. "Как давно я живу на этом свете! Уже достаточно давно, чтобы пришло время кого-то хоронить. Эти ужасные правила игры. Почему нас никто не спрашивал, хотим ли мы вообще вступать в эту игру? А если я не согласна? Если я не хочу стареть, болеть и умирать? Не хочу хоронить любимых людей... Я бы, зная заранее, выбрала другую игру".

По левому ряду, разрывая сиреной монотонный шум улицы, пролетела скорая помощь и вырвала Машу из ее забытья. Скорая удалялась среди плотного потока, а ее вой все никак не затихал. Даже когда она скрылась из виду, звук сирены эхом отзывался в голове.

– Ты помнишь, как мы с отцом ездили в Суздаль? – вдруг

спросила Маша.

Аня слегка вздрогнула от неожиданности. Она уже забыла о сестре, так долго они ехали молча.

– В Суздаль? – переспросила слегка удивленно она. – Нет, не помню.

Маша пожала плечами так, словно хотела сказать "Ну и ладно", и опять замолчала.

Дворники с легким скрипом проехали очередную раз по лобовому стеклу и смахнули грязь и капли дождя. На какое-то мгновение показалось, что в машине от этого стало светлее.

– А что было в Суздале? – без интереса спросила Аня.

– В Суздале, – задумалась Маша, – мы купались в речке и прыгали с моста.

Аня на мгновение повернулась и посмотрела на Машу с выражением удивления и снисхождения, с каким смотрят на детей.

– А еще мы катались на телеге, – продолжала Маша, – заходили в церкви.

Она говорила все это безэмоционально, таким задумчивым и спокойным тоном, словно разговаривала сама с собой.

– Я не помню, – повторила Аня.

– А еще мы ездили смотреть храм Покрова на Нерли, – точно не услышав сестру, продолжала Маша, – очень долго шли по полю от электрички, а потом папа взял меня на руки. Мы все шли, шли, а эта церковь стояла вдали, как свечка,

такая худенькая и белая. Папа говорил, что это самая старая церковь, которая сохранилась на Руси.

– Может, меня там не было? – вдруг спросила Аня.

Автомобиль остановился на перекрестке, и Аня включила поворотник, чтобы повернуть направо. Поворотник защелкал, как метроном.

– Почему ты отговорила маму отправить отца в Германию? – вдруг спросила Маша.

За окнами шумело и перекатывалось пугающими звуками мокрое шоссе. Тишины не было, но казалось, в воздухе повисла какая-то страшная глухота. Аня молчала.

По ее лицу было непонятно, думает ли она над ответом или прослушала вопрос. Казалось, ее внимание полностью поглотила дорога. И только когда загорелся зеленый, и машина тронулась вперед, словно получив позволение говорить, Анна ответила:

– Эти разговоры сейчас не имеют смысла.

– Не имеют? – с удивлением переспросила Маша. Она смотрела на профиль сестры, острый и красивый, на ее слегка неопрятную прическу, на локоны каштановых волос, выпадающих из-под заколки, на серьги с изумрудами, и ей казалось, что она абсолютно не знает эту женщину – суровую и холодную. То, что она говорила, Маше казалось абсолютно непонятным, и логика у этой женщины была какая-то своя, она Маше была чужда и даже противна.

– И прошу тебя не терзать этими вопросами мать, – спо-

койно проговорила Анна.

Маша закивала головой, но не в знак одобрения, а словно соглашаясь с каким-то своим внутренним заявлением: "Все напрасно".

– Тебя не мучают сомнения? – вслух спросила она.

– Мы не боги, не прорицатели, – Аня заговорила быстро. – Мы даже не врачи. Никогда не было никакой гарантии, что твой вариант сработает, пусть и за такие огромные деньги.

– Деньги, – с каким-то горестным пониманием повторила Маша, но Аня не дала ей говорить:

– Это – рак, тяжелая битва, которую мы проиграли. Ты цепляешься за пустоту. Прими это!

Сказанные слова залетели в пространство маленькой машины, как вой сирены. Аня уже молчала, а слова все летали и летали, бились об окна и потолок, и никак не могли вырваться прочь. Они звучали снова и снова в Машиной голове.

– Это неправда, – почти вскрикнула Маша, точно пытаясь выгнать из своей памяти то, что сказала сестра.

Но Аня спокойно и абсолютно уверенно произнесла:

– Правда.

Машино лицо исказилось, словно от боли или от отчаяния. Как же ей захотелось прямо в это мгновение вырваться отсюда, из этой тюрьмы, в которой вся власть принадлежит исключительно словам сестры, страшным словам, которым она не хочет подчиняться. Но автомобиль летел и летел через облака грязи и выхлопных газов, и казалось, этому путе-

шествию не будет конца, как и этому дождю.

Только через какое-то время Аня вдруг сказала:

— Я вспомнила эту поездку в Суздаль. Я после нее заболела воспалением легких.

Город за окнами размывался каплями дождя, они скатывались по стеклу и от порывов ветра и движения машины немного дрожали и походили на дрожащие на чьих-то щеках слезы. Все грани внешнего мира потеряли свою четкость.

Маша закрыла глаза, и город за окном совсем исчез.

* * *

Машину припарковали в соседнем квартале. Так уж вышло, свободных мест ближе не было. Две хрупкие женские фигуры выскользнули из авто на черный, похожий на мутную реку тротуар и поплыли вдоль потемневших то ли от старости, то ли от дождя домов прежде родного района. Они шли молча, неторопливо, и в этом одиноком движении среди уныния дворовых конструкций сквозили одновременно и тоска, и равнодушие, и при этом какая-то закономерность, точно все это уже происходило, и не один раз, и не только здесь, и не только с ними.

Этот когда-то милый сердцу уголок земли уже давно перестал быть любимой гаванью, самым красивым местом на планете. Он превратился в обычный старый район Москвы, незамысловатый и унылый.

В центре сквера все так же, нарушая все законы этики и времени, стояли мусорные баки. Рядом располагалась детская площадка, она выглядела так, словно на ней дети не играли уже десятки лет. Деревья, посаженные, когда сестры были еще совсем маленькими, выросли и, кажется, переросли. Зажатые мрачными телами зданий, они из года в год тянулись и тянулись к солнечному свету, пока не превратились в длинноруких монстров. Они стояли, сутулые и мокрые, и с какой-то жалостью качали головой. Только жалели они не себя, а тех, кому велением судьбы приходилось снова и снова проходить через этот двор.

Очень часто, приезжая к родителям и проходя здесь, и Аня, и Маша ловили в себе это ощущение отстраненности и нежелания возвращаться к чему-то прежде столь родному. Именно возвращаться. Потому что старый мир остался неизменным. Изменились они – Аня и Маша, они выросли, стали самостоятельными, познали новую, более красивую жизнь. Они обе жили в своих квартирах, в своих районах, в которых все было по-другому. Там было больше места, больше света и меньше тесноты. Минимальное количество вещей, ничего лишнего "для красоты" или "на память". Никаких половичков, ковров, салфеток, подушек, вазочек, старых торшеров и швейных машинок. Новый быт стал строгим и структурированным, как офис.

И даже дворы в новых районах, где жили новые Ани и Маши, были другие. Все цветы и деревья там были посаже-

ны строго по плану и по смете, совсем не так, как здесь. А здесь в каждом углу был и сад, и огород, и клумба, возделанная трудолюбивой и бескорыстной рукой бабушки-соседки с первого этажа. И выращено это все было абсолютно без плана и без проекта, хаотично и неряшливо, но исключительно по велению сердца и из любви к живому.

Жителям новых районов все это теперь казалось ужасно архаичным и неправильным. Аня даже спрашивала маму, почему та не пожалуется в ЖЭК и не потребует сравнять эти "сельские кущи" с землей. Но мама, конечно же, возражала и говорила, что надо проявлять уважение к людям, которые тридцать лет бескорыстно ухаживали за этой землей в то, время, когда никто не хотел заниматься придомовой территорией, и что она сама первая встанет на их защиту, если приедет бульдозер.

"Тебе же самой нравилось пересаживать с бабой Шурой тюльпаны", – говорила она. Но Аня брезгливо хмыкала. Эти воспоминания почему-то не доставляли ей удовольствия. Та старая жизнь, простая, мещанская, была ей чужда и постыдна.

Мама, Антонина Сергеевна, открыла дверь почти сразу. Она была достаточно бодра, в своем обычном домашнем спортивном костюме, волосы были гладко зачесаны и скреплены заколкой. Глаза она не накрасила, но выглядела сегодня на удивление хорошо. Маша зашла в прихожую и только тогда обратила внимание, что сестра одета в обычные джинсы

и серый свитер, и лишь она, Маша, одета во все черное. Черные брюки были повседневными, а вот черную блузку она долго искала в залежах "уставших" вещей, так она называла полку, где лежали надоевшие, но еще не сносившиеся предметы гардероба. И получившийся костюм оказался весьма неплох, даже элегантен.

"Наверное, им должно быть неловко, что они не догадались, – подумала она, поймав взгляд матери. – Тогда почему опять неловко мне, точно я сделала какую-то ортодоксальную глупость..."

Антонина Сергеевна подошла к Маше и обняла ее. Маша не сразу поняла, что надо делать. Это было выражение соболезнований. Собственно за этим они и приехали, но что говорить, Маша не знала. Она обняла мать и молчала. Если бы мама плакала, Маша могла бы начать ее успокаивать и сказала бы: "Ну, ну, не рви свое и мое сердце..." Но мама не плакала, только тяжело вздохнула, погладила Машу по плечу и повернулась к Ане. Анну она так же обняла и погладила, и в этой процедуре не было ничего ужасающего и трагического, как представляла себе Маша. Ей даже показалось, что всем сразу стало намного легче, что все они расписались в каком-то общем знании, и теперь это знание перестало быть личным и интимным, оно стало всеобщим.

Покрутившись, потоптавшись еще немного в коридоре, все пошли на кухню.

– Мне нечем вас покормить, – сказала Антонина Сергеев-

на, подходя к плите, и словно оправдываясь, показала рукой на пустые конфорки.

Плита и вся кухня были очень чистыми. "Похоже, она сегодня все утро мыла квартиру", – подумала Маша.

– Нам ничего не надо, мама, ты что, – сказала Аня, – мы же не есть приехали.

Но тем не менее Аня подошла и включила чайник.

– Но я бы с удовольствием выпила кофе, – сказала она.

Маша покрутилась какое-то время возле стола, но потом все же села. Она аккуратно отодвинула от себя вазочку с конфетами, которая оказалась прямо перед ней, и, как школьница, сложила руки перед собой. Ее не покидало какое-то новое чувство, которое она испытала, придя сегодня в эту квартиру – незыблемую крепость, молельный дом, обитель заботы и тепла. Она поймала себя на мысли, что они с сестрой видят маму первый раз после получения известия о смерти отца. Последний раз они виделись три дня назад, и тогда папа был еще жив. А сейчас все изменилось. Все изменились. Изменились даже вещи в доме, они приобрели другой смысл и значение. Эта вазочка с конфетами... Папа всегда ставил ее поближе к себе, она была красивая и желанная, а сейчас стала страшной, как моток колючей проволоки. Часы на стене, отвалившаяся плитка над раковиной, цветок в горшке – все это стало символами прошлой жизни, свидетельствами тех или иных желаний, которые в настоящей жизни уже никогда не будут реализованы. Но самое ужасное, что таким

символом стала и мама, и это чувство обиды и претензии по отношению к матери пугало Машу.

Антонина Сергеевна села напротив. Она провела руками по скатерти так, словно хотела ее разгладить, но в этом не было никакой необходимости. Скатерть была белая, абсолютно чистая и выглаженная. Внуки уже давно не приезжали сюда, отца почти месяц не было дома, поэтому мараить скатерти и "сеять грязь", как обычно выражалась Антонина Сергеевна, было некому. Она просто не могла подобрать нужные слова, чтобы начать говорить.

– Девочки мои, – начала она неуверенно, – вот и остались мы с вами сиротами.

Анна, которая продолжала стоять около плиты, подошла сзади и положила матери руки на плечи.

"Как они похожи, – подумала Маша, глядя на них. – Эти острые скулы, прямой нос. Мама все еще очень красива, даже со своими морщинами, только волосы она теперь красит в белый цвет... Может, они наконец-то заплачут?"

По щекам Антонины Сергеевны действительно покатились слезы, и Маше стало стыдно.

Мать выглядела сейчас очень жалко и грустно. Слезы катились по ее щекам, а брови в страдальческой гримасе поднялись вверх, отчего весь лоб покрылся морщинами. Она тут же превратилась в худую жалкую старушку, слабую и беспомощную.

Аня гладила ее по плечам, и от этого картина становилась

еще более трагической.

– Давайте постараемся быть сильными, не падать духом, – после недолгой паузы сказала Аня, иначе мы тоже можем заболеть.

– Да, дочка, ты права, – Антонина Сергеевна погладила Анину руку, лежавшую у нее на плече, – правила жизни мы должны принимать стойко. Такова судьба каждого. Но это очень трудно. Обидно-то как! – Антонина Сергеевна заговорила жалобно, как говорят дети, – Ведь врачи нас обнадежили. Все говорили, что операция прошла успешно. И главное, он сам верил, что все наладится. Спешил выписываться. Так много говорил о доме...

– Мам, – Аня хотела остановить ее, чтобы всем не стало хуже, – ты же знаешь, произошло непредвиденное, организм не справился.

– Жалко, жалко, – продолжала Антонина Сергеевна, не обращая внимания на слова дочери, – жалко-то как! Перенести такую операцию, так хорошо себя чувствовать, и вдруг... Что пошло не так?

– Все пошло не так, – вдруг проговорила Маша. Она все так же сидела напротив матери за столом, слушала ее причитания и ждала подходящего момента, чтобы сказать что-то доброе и утешительное, но сказала совсем другое. Она сказала это вслух, хотя ей показалось, что мысленно.

Анна сделала вид, что не услышала этих слов Маши. Она потихоньку отошла от матери и открыла посудный шкафчик:

– Я и вам заварю кофе, – сказала она.

– Лучше чай, – подхватила Маша. Она сама была рада перевести разговор на другие темы.

В окно ударил порыв ветра, и дождь застучал, забарабанил в стекло, точно шел он абсолютно горизонтально прямо из дома напротив. И там за окном было так страшно и суетно, что все боялись на это глядеть.

Мама все так же смотрела на белую скатерть, уже не плакала, и Маша подумала, что это и правда ужасно неправильно в такую минуту начинать разговоры об ответственности и морали, потому что ответственность за все нес этот дождь, и это стало так очевидно в тот момент, когда он нагло барабанил в стекло, что вопросов больше не осталось. Часы тикали, чайник шумел, Аня звенела посудой, доставала красивые жестяные баночки с чаем и кофе, а Маша смотрела на ее спину и думала: "Ей надо помочь с организацией похорон. Надо что-то придумать, что я могу сделать, хотя бы самое простое".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.